

451 F°

RAY BRADBURY

FAHRENHEIT

451

Р Э Й Б Р Э Д Б Е Р И

451°

ПО

Ф А Р Е Н Г Е Й Т У

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Ray Bradbury
FAHRENHEIT 451
Copyright © 1953 by Ray Bradbury

Cover Art © 2018 Home Box Office, Inc.
All Rights Reserved. HBO® is a service mark of
Home Box Office, Inc.

Брэдбери, Рэй.

Б89 451° по Фаренгейту / Рэй Брэдбери ; [пер. с англ. В. Бабенко]. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с. — (Кинофантастика).

ISBN 978-5-04-094217-6

451° по Фаренгейту — температура, при которой воспламеняется и горит бумага.

Добро пожаловать в мир будущего, в котором библиотеки безжалостно уничтожаются специальным отрядом пожарных, а хранение книг преследуется по закону! Здесь интерактивное телевидение успешно служит всеобщему обольваниванию, карательная психиатрия решительно разбирается с редкими инакомыслящими, а на охоту за неисправимыми диссидентами выходит электрический пес...

Бессмертная классика от Грандмастера научной фантастики!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© В. Бабенко, перевод на русский язык, 2018
© А. Рух, вступительная статья, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094217-6

МЫ ОДНОЙ ПЛОТИ

Пожалуй, сегодня трудно представить себе человека, который хотя бы в общих чертах не представлял себе историю Гая Монтага. 451° по Фаренгейту — не просто абстрактная температура по экзотической для нас шкале, как 1984 — не только год Олимпиад в Сараево и Лос-Анджелесе и премьеры первого «Терминатора». Как и Оруэлл, Брэдбери создал эталонную антиутопию — но не политическую, а культурную.

Тема человечества, уничтожающего свою прошлую культуру как ненужный балласт, который создает слишком много проблем, волновала Брэдбери едва ли не с самого начала его писательской карьеры. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что культура интересует его куда больше, чем даже само человечество, которое, лишившись своих нематериальных ценностей, превращается в нечто совсем уж непрезентабельное.

«— Да-да! Всякий человек, говорили они, обязан смотреть в лицо действительности. Видеть только сиюминутное! Все, что не попада-

ло в эту категорию, — прочь. Прекрасные литературные вымыслы, полет фантазии — бей влет. И вот воскресным утром, тридцать лет назад, в 1975 году их поставили к библиотечной стенке: Санта-Клауса и Всадника без головы, Белоснежку, и Домового, и Матушку-Гусыню — все в голос рыдали! — и расстреляли их, потом сожгли бумажные замки и царевен-лягушек, старых королей и всех, кто «с тех пор зажил счастливо» (в самом деле, о ком можно сказать, что он с тех пор зажил счастливо!), и Никогда превратилось в Никогда! И они развеяли по ветру прах Заколдованного Рикши вместе с черепками Страны Оз, изрубили Глинду Добрую и Озму, разложили Многоцветку в спектрокопке, а Джека Тыквенную Голову подали к столу на Балу Биологов! Гороховый Стручок зачах в бюрократических зарослях! Спящая Красавица была разбужена поцелуем научного работника и испустила дух, когда он вонзил в нее медицинский шприц. Алису они заставили вытить из бутылки нечто такое, от чего она стала такой крохотной, что уже не могла больше кричать: «Чем дальше, тем любопытственнее!» Волшебное Зеркало они одним ударом молота разбили вдребезги, и пропали все Красные Короли и Устрицы!»

Это, конечно, еще не «451° по Фаренгейту». Это фрагмент рассказа «Эшер II», написанный в 1950 году и вошедший в «Марсианские хроники».

«Том мысленно перебрал праздники, в которых участвовал за последние годы. Вспомнил,

как рвали и жгли книги на площади, и все смеялись, точно пьяные. (...)

Том и ахнуть не успел, как толпа, крича, толкаясь, мечась, понесла его к картине. Резкий звук рвущегося холста... Полицейские бросились наутек. Толпа выла, и руки клевали портрет, словно голодные птицы. Том почувствовал, как его буквально швырнули сквозь разбитую раму. Слепо подражая остальным, он вытянул руку, схватил клочок лоснящегося холста, дернул и упал, а толчки и пинки вышибли его из толпы на волю. Весь в ссадинах, одежда разорвана, он смотрел, как старухи жевали куски холста, как мужчины разламывали раму, поддавали ногой жесткие лоскуты, рвали их в мелкие-мелкие клочья».

А это — цитата из классического рассказа Брэдбери «Улыбка» (1952).

Были и другие — например, «Изгнанники» или «Пешеход», — которые впоследствии сам писатель назвал «хлопушками, из которых разгорелся «451° по Фаренгейту». (Не так давно все они были изданы в США отдельным сборником с исчерпывающим названием «Удовольствие жечь».) И, наконец, повесть «Пожарный», написанная в 1951 году, но так и не изданная. Первое описание мира, в котором те, кто некогда тушил пламя, теперь разжигают его — во имя процветания и душевного спокойствия Его Величества Обывателя. История человека, сошедшего с проторенного для него пути, чтобы найти свой — тот, в котором книги не жгут, а читают. Эта идея так захватила Брэдбери, что вопреки

уже существовавшей договоренности с издателем, ожидавшим новый сборник в духе «Марсианских хроник» или «Человека в картинках», он решается наконец замахнуться на полноценный роман¹. Роман, который в конечном счете и принес Рэю Дугласу Брэдбери статус живого классика не только американской, но и мировой литературы.

Мир, в котором происходит действие «451° по Фаренгейту», до боли напоминает наш собственный. Это, безусловно, то пресловутое «общество потребления», которое как раз и начало складываться в Соединенных Штатах в «сытые пятидесятые». Фактически, Брэдбери описывает окружающую его действительность, привнося в нее ряд фантастических элементов, чтобы ярче обрисовать реальные проблемы современного ему общества. Перед нами статичная система, весь потенциал которой направлен на самовоспроизведение. Население — за вычетом горстки несогласных со *status quo* — гарантированно обеспечено необходимыми жизненными благами: жильем, работой и даже досугом. Взамен государство требует безусловной лояльности, каковую и получает с благодарностью. Однако базируется все это благолепие на полном отказе от каких бы то ни было проявлений самостоятельного мышления. Любая попытка выхода за жестко очерченные поведенческие рамки губительна

¹Уже поминавшиеся выше «Марсианские хроники», хоть и вышли как роман («нечаянный» — по определению самого Брэдбери), все же в куда большей степени являются циклом рассказов.

для находящейся в гомеостазе структуры — то есть подобные запреты есть безусловное следствие инстинкта самосохранения, только не отдельно взятой особи, а всей государственной машины в целом. Замечу, что период создания «451° по Фаренгейту» — это еще и время маккартизма с его «охотой на ведьм» и перманентными поисками любых проявлений «антиамериканской деятельности», под которую, разумеется, с легкостью попадало все, выходящее за границы понимания рядового обывателя. Характерен анекдот, случившийся с Брэдбери в то время (и ставший основой рассказа «Пешеход»): однажды полиция задержала молодого писателя за... ночную прогулку, показавшуюся стражам правопорядка «подозрительным времяпрепровождением». Между прочим, по нашу сторону океана происходили совершенно зеркальные процессы — здесь и борьба с «безродными космополитами», и гонения на «формалистов в искусстве», и много чего еще.

Учитывая вышесказанное, совершенно логично, что борьба с культурой и искусством вообще, признание их вне закона — не более чем вполне вероятностный следующий шаг, вполне укладывающийся в описанные тренды. Тем более что печальных примеров сожжения «неудобных» книг в истории человечества предостаточно — включая совсем недавние костры из книг в нацистской Германии. Кстати, именно эти документальные кадры, произведшие на Брэдбери неизгладимое впечатление, и привели его к мысли о том, что «люди и книги — одной пло-

ти». Работая над романом, писатель лишь применил фантастический метод, доведя современные ему тенденции до крайности.

Действительно: литература, искусство, религия с их апелляцией к надличностным ценностям провоцируют человека на самостоятельные суждения. Согласно официальной идеологии описываемого в романе мира, такие суждения ведут лишь к ненужным конфликтам: «книга — заряженное ружье в доме соседа». Комиксы, скетчи, бесконечные шоу с элементами интерактивности — вот тот эрзац культуры, которого подавляющему большинству более чем достаточно для удовлетворения своих «духовных потребностей». Еще на заре телевидения Брэдбери гениально предсказал и телеэкраны во всю стену (а то и в три, в четыре стены), заменяющие окна в реальном мире, и вымышленных персонажей реалити-шоу, вызывающих куда большее сопереживание, чем обитатели соседнего дома, чем собственные мужья и братья, отправленные на фронт.

И — никаких конфликтов! Потому что любой конфликт есть столкновение индивидуальностей и определяется их различиями, которые обеими сторонами признаются принципиальными. В описанной Брэдбери реальности индивидуальность отсутствует, избавляя общество от любых внутренних распрей. При этом тотальное обезличивание неизбежно приводит к потере важности отдельной жизни. «Мы живем в век, когда люди уже не представляют ценности. Человек в наше время — как бумажная салфетка:

в нее сморкаются, комкают, берут новую, сморкаются, комкают, бросают...» — говорит один из персонажей романа. Как результат — эпидемия беспричинных самоубийств, бум смертельно опасных развлечений и полное безразличие к будущему. Как своему, так и чьему бы то ни было вообще.

Прикрываясь заботой о гражданах, система заботится исключительно о собственном выживании. С этой колокольни действия «пожарных», уничтожающих вредные (то есть любые) книги, есть безусловное благо. Другое дело, что такая система априори нежизнеспособна при малейших колебаниях внешней среды — но само понятие «внешней среды» изнутри нее представляется невозможным.

Собственно говоря, вся история Гая Монтага и есть наглядное подтверждение данного тезиса. Система, заточенная на уничтожение любого инакомыслия, была способна без особых усилий вернуть в свое лоно «заблудшую овечку», однако само желание такого рода предусматривало бы индивидуальный подход — а, как уже было сказано выше, уничтожение любой индивидуальности и было ее фактической целью, залогом ее выживания. «Выбросить проще, чем починить» — главная максима консьюмеризма, достигающая своего апогея в тот момент, когда начинает распространяться на человека. «Неправильного потребителя», в самом деле, проще уничтожить для развлечения и вящего спокойствия «порядочных граждан», чем тратить ресурс на какое-то там перевоспитание. И да:

значительную часть повествования сам Монтэг полностью согласен с этим тезисом. Декультуризация неизбежно приводит к дегуманизации — пожалуй, это и есть главный нравственный посыл романа.

Показательно, что, в отличие от огромного числа произведений той эпохи (включая и принадлежащие самому Брэдбери), «451° по Фаренгейту» практически полностью лишен антивоинного пафоса. Мир, уничтоживший свою культуру, недостоин жить. И глобальный катаклизм, очередная Мировая война, началом которой заканчивается книга, кажется не трагедией, а заслуженным возмездием. События закольцовываются: огонь, совсем недавно уничтоживший книги ради душевного покоя обывателей, теперь пожирает их самих. Но для Гая Монтэга, для его товарищей, для спасенных ими шедевров этот пламень — спасение. Надежда на то, что на руинах старого мира именно им удастся построить новый. Тот, в котором Экклезиаст и Шекспир, Мелвилл и Толстой снова понадобятся людям.

Аркадий Рух

451°
ПО ФАРЕНГЕЙТУ

451⁰ по Фаренгейту¹ — температура,
при которой книжные страницы воспа-
меняются и сгорают дотла...

*Эта книга с благодарностью посвя-
щается Дону Конгдону*

Если тебе дали разлинованную бума-
гу, пиши по-своему.

Хуан Рамон Хименес²

¹ 233⁰ С. (Здесь и далее — прим. перев.)

² Хименес Хуан Рамон (1881—1958) — испан-
ский поэт, лауреат Нобелевской премии (1956).

Часть первая

ДОМАШНИЙ ОЧАГ И САЛАМАНДРА

Жечь было удовольствием.

А особым удовольствием было смотреть, как огонь поедает вещи, наблюдать, как они чернеют и меняются. В кулаках зажат медный наконечник, гигантский питон плюется на мир ядовитым керосином, в висках стучит кровь, и руки кажутся руками поразительного дирижера, управляющего сразу всеми симфониями возжигания и испепеления, чтобы низвергнуть историю и оставить от нее обуглившиеся руины. Шлем с символическим числом 451 крепко сидит на крутом лбу; в глазах оранжевым пламенем полыхает предвкушение того, что сейчас произойдет, он щелкает зажигателем, и весь дом прыгает вверх, пожираемый огнем, который опалает вечернее небо и окрашивает его в красно-желто-черный цвет. Он идет в рое огненных светляков. Больше всего ему сейчас хочется сделать то, чем он любил забавляться в давние времена: ткнуть в огонь палочку со сладким суфле маршмэллоу, пока книги, хло-